

— Тебе по нраву сильные партнеры. Но откуда такая уверенность, что я тебе подхожу? — Морис приподнял его точеный подбородок. Голос генерала звучал ровно, однако холодный, пронзительный взгляд зеленых глаз выдавал внутреннее напряжение.

Симо поморщился. Должно быть, от легкой боли его улыбка слегка натянулась, но даже это не могло испортить его поразительной, почти неземной красоты.

— Разумеется, я уверен... — Симо подался вперед. Его тихий, вкрадчивый голос журчал, словно чистый лесной ручей. — Ты — божественный посланник, благословенный самой Руной, и наделен безграничным величием. Любая раса в мире Идо сочла бы за честь назвать тебя своим спутником. Тебе не придется преклонять колени даже перед элохимами, представителями высшей цивилизации.

— А Хань Цзин слишком слаб. Он всего лишь жалкий человек. Ты называешь его гениальным математиком? Но в моей генетической памяти сокрыто все наследие планеты Камера, я владею законами четырехмерного пространства. Выбери меня — и я отдам тебе все свои знания, помогу подчинить этот мир и сделаю тебя его полноправным властелином.

Симо манил и искушал, подобно легендарным обольстительницам древности, чья роковая красота рушила великие империи, процветавшие веками.

Морис прекрасно понимал, что русалка не бросает слов на ветер. Технологический разрыв между трехмерным и четырехмерным измерениями был колоссальным — словно пропасть между первобытным бронзовым веком и эрой космических перелетов. Подобные знания действительно могли переписать историю.

Придерживая Симо за лицо, Морис медленно провел пальцами по его лбу, очертил разрез удивительных фиолетовых глаз, спустился к изящному подбородку и скользнул ниже — к белоснежной ключице, забираясь под шелковые одежды. Кожа русалки под его ладонью оказалась нежнее самого дорогого шелка.

— Ты и впрямь хочешь, чтобы я разделил с тобой ложе? — спросил Морис. Его взгляд оставался обманчиво спокойным.

Симо продолжал хмуриться, ощущая, как его подавляет невидимая, тяжелая аура генерала. Но по-настоящему его безупречное лицо изменилось в цвете лишь после следующих слов.

— Чтобы затем возродить былое величие Камеры? — Морис слегка приподнял уголки губ. Проницательный взгляд генерала, казалось, видел беглеца насквозь.

Заметив, как в глубине фиолетовых глаз испуганно метнулась тень, Морис смягчил напор и бережно поправил сползшее с бледного плеча Симо шелковое одеяние.

— Я глубоко люблю Хань Цзина, — тихо, но твердо произнес Морис. — А сам я, Симо, всего лишь обычный человек. Я принадлежу к той самой расе, которую ты так искренне презираешь.

— Впрочем, винить тебя не в чем. Тебе просто не дано понять человеческие чувства — то, что кажется тебе пустой и бессмысленной блажью. Но запомни одну вещь: ты здесь гость, пусть и желанный. И тебе никогда не позволят диктовать людям свои условия.

Морис вновь приподнял его подбородок, и в его глазах блеснула сталь. Это было холодное, недвусмысленное предупреждение.

Симо на мгновение оцепенел. Лишь спустя пару секунд он поджал губы, перехватил запястье Мориса и мягко прижал его теплую ладонь к своей щеке, стараясь унять ноющую боль в подбородке.

— И ты правда ничем не отличаешься от Хань Цзина? — Симо заглянул ему в лицо, в его фиолетовых глазах промелькнула лукавая искорка. — Твое тело безупречно... Даже элохимы не способны сотворить подобное совершенство.

Симо прильнул к руке генерала с нежностью влюбленной женщины.

— Твой взгляд выдает твоё смятение, — прошептал он. — К тому же... твои ладони кажутся слишком горячими.

Заметив, как на лице генерала промелькнула тень замешательства, Симо удовлетворенно улыбнулся — маленькая победа принесла ему искреннее удовольствие, и он решил не переходить черту.

— Тебе стоит отдохнуть день-другой. Ты ведь и правда весь горишь, — мягко предложил Симо, давая Морису возможность сменить тему.

— Я хочу, чтобы впредь ты никогда не смел применять свои чары против людей, — отдельно произнес Морис, пытаясь скрыть неловкость.

Его кожа действительно пылала. Внутри разгорался знакомый, изматывающий жар — так заявляло о себе пробуждающееся Проклятие Атлантиды, принося с собой томительную, удушающую жажду.

— Твои люди не спускают с меня глаз, обращаясь со мной как с пленником, — Симо перестал улыбаться и заговорил вполне серьезно. — Я терплю это лишь потому, что жду, когда ты отправишь меня на Харон.

— На Харон? — переспросил Морис.

— На Хароне есть вещество Аноид и озеро Сейер-Ванн, — на лице Симо впервые появилось по-настоящему суровое выражение. — Пусть я и могу временно сбросить хвост, чтобы ходить среди людей на двух ногах, я все равно остаюсь русалкой с Камеры. Создатель изначально определил нашу судьбу: мы не способны жить без Аноида.

— Без него я просто увяну... и погибну, — Симо с грустной мольбой посмотрел на собеседника.

Морис слегка нахмурился. На душе у него потеплело, а мысли спутались. Он и подумать не мог, что Симо верит ему собственную жизнь. Ведь когда они находились на борту космического корабля «Кусари», у русалки было множество возможностей сбежать. И все же тот предпочел остаться, рискуя собой, чтобы помочь Морису добраться до самого края вселенной — в мир, который сам же считал безнадежно отсталым. Морис до сих пор не понимал истинных мотивов Симо, но его прежнее раздражение окончательно улетучилось.

— Все, что связано с Хароном, относится к высшему уровню секретности Федерального правительства. Я смогу дать тебе точный ответ только после того, как этот вопрос утвердит Совет.

— Высшая секретность? — Симо удивленно приподнял брови. — Харон ведь — наследие расы Альтеран. Неужели это уцелевшая космическая цитадель? Что-то вроде парящих городов элохимов?

— О... значит, я угадал? — уловив едва заметную перемену в выражении лица генерала, Симо негромко рассмеялся. — Вы и правда баловни судьбы. Ваша цивилизация еще молода и неразвита, но в ней скрыт поистине безграничный потенциал.

Его улыбка была ослепительно прекрасной, но в ней сквозила затаенная, глубокая горечь.

Морис вспомнил легенды о былом величии Камеры. Теперь этот некогда могущественный народ превратился в горстку беглецов, обреченных на вымирание. Ни одна высокоразвитая цивилизация, павшая так низко, не смирится со своей участью, и ее выжившие потомки до последнего вздоха будут бороться за возрождение.

— Я обещаю тебе: даже если Совет ответит отказом, мы доставим Аноид с Харона на Землю. Тебе ничто не угрожает. Человечество — миролюбивый народ, выросший в лучах угасающего солнца Альтеран.

— Я верю тебе, — Симо прогнал грусть из взгляда и с улыбкой посмотрел на искреннего в своих порывах генерала. — Передай вашему правительству: если человечество докажет, что достойно моего доверия, я поделюсь с вами нашими технологиями. Например, помогу в освоении четырехмерного пространства, над которым бьются ваши ученые. Взамен я прошу лишь об одном обещании: когда появится возможность, помогите спасти моих сородичей. Позвольте цивилизации Камеры пустить здесь новые корни.

За те полгода, что они провели вместе, Хань Цзин успел досконально изучить характер Мориса. Наедине грозный генерал мог позволить себе слабость и доверчиво искал у него поддержки. Но стоило им вернуться к делам, как между ними вновь вырастала невидимая стена строгого армейского устава, разделявшая начальника и подчиненного.

Хань Цзин безумно тревожился за здоровье любимого, но прекрасно понимал правоту доктора Марко: если он сунется к генералу сейчас без весомого служебного повода, его попросту выставят за дверь.

Подавив тревогу, Хань Цзин взвесил все за и против и решил пока не возвращаться в сектор Эрра. Вместо этого он направился в госпиталь навестить старшего сокурсника. Роджер лежал на больничной койке — бледный, осунувшийся, растерявший весь свой былой лоск. Впрочем, духом он не пал: парень без умолку отчитывал Хань Цзина почти целый час. Чувствуя себя виноватым и помня о скрытном характере Мориса, Хань Цзин так и не решился раскрыть правду об их отношениях. Он лишь молча выслушивал ворчание друга, кротко кивая и то и дело извиняясь.

— Я же вижу, что ты что-то недоговариваешь! — Роджер пылливо сощурился, глядя на Хань Цзина. — Неужели вы с генералом Морисом сблизились больше, чем мы с тобой? Да я же с университетских времен заботился о тебе как о родном брате!

Хань Цзин в замешательстве нахмурился, раздумывая, не рассказать ли все начистоту. Но Роджер, заметив его колебания, вдруг пошел на попятную — он словно сам испугался собственных догадок или просто отказывался верить в столь безумную мысль. Чтобы этот сухой, лишенный всякого романтического шарма младший сокурсник ухлестывал за неприступным генералом Морисом? За их грозным главнокомандующим?!

Почувствовав укол глухой досады, Роджер махнул рукой, прерывая затянувшееся молчание.

— Да ладно, забудь. Будь на моем месте кто-то другой, он бы давно вытряс из тебя все секреты. Радуйся, что у тебя такой понимающий друг.

Роджер, как обычно, не упустил случая себя похвалить. Он приподнялся на локтях и протянул руку:

— Подойди-ка ближе, дай взглянуть на тебя. Твое лицо... Ты был ранен? — Роджер осторожно коснулся пальцами его лба и щеки, пристально разглядывая кожу.

Хань Цзин негромко рассмеялся:

— На планете Нордик я едва не остался изуродованным на всю жизнь. К счастью,

регенерационные мази высших цивилизаций творят чудеса. Все уже почти затянулось.

— Ну и слава богу... — заметив, что шрамы действительно едва различимы, Роджер с облегчением выдохнул. — Хорошо, что мне лицо не задело. Представляешь, какая бы трагедия случилась? Вся моя безупречная репутация пошла бы прахом!

— Будет тебе, Роджер, — покачал головой Хань Цзин.

Против этого неистребимого самолюбования не было средств. Еще со студенческой скамьи старший сокурсник напоминал ему заносчивого павлина, который при каждом удобном случае распускал свой яркий хвост.

На тумбочке у кровати негромко затрезвонил коммуникатор. Хань Цзин протянул его другу.

— Это Гленн.

Роджер мигом подобрался, лицо его расплылось в счастливой улыбке.

— Оставишь меня наедине с ним, а, младший?

Мысленно поблагодарив Гленна за своевременное спасение, Хань Цзин с легким сердцем покинул палату, наконец-то избавившись от бесконечных придирок друга.

Сектор Роедлас сиял фантастическими неоновыми огнями, а в отдалении простиралась безмятежная, лазурно-голубая глубь океана. Когда Хань Цзин возвращался из глубоководного ресторана «Нерей», стрелки часов уже перевалили за шесть вечера. Глядя сверху на Базу № 9, сияющую в сумерках мягким изумрудным светом, он почувствовал, как сердце защемило от странного, почти нереального волнения. Он вышел из лифта, держа в руках тяжелые контейнеры с ужином, и открыл знакомую дверь апартаментов D.

Морис стоял в спальне возле кровати, перебирая серо-голубые мундиры. Он то поднимал один, то, недовольно хмурясь, бросал его обратно на покрывало. Видимо, генерал чувствовал себя неважно: его брови были напряженно сдвинуты к переносице, а правая ладонь тяжело покоилась на заметно округлившейся пояснице, медленно растирая затекшие мышцы.

— Оставь это, я сам все соберу, — обеспокоенно произнес Хань Цзин. Мягко, но настойчиво он усадил Мориса на диван, не терпя возражений, и подложил ему под спину мягкую подушку. — Опять болит?

Хань Цзин присел рядом и осторожно положил ладонь на живот Мориса. Тот на мгновение

напрягся, но отталкивать его не стал. Тогда Хань Цзин принялся мягко, согреваяще поглаживать его, стараясь унять ноющую боль.

— Ну как, легче? — прошептал Хань Цзин, обнимая Мориса за плечи и чувствуя, как его тело постепенно расслабляется.

— Да, — тихо ответил Морис, доверчиво прислонившись к его плечу. Тянувшая боль внизу живота никуда не делась, но тепло рук Хань Цзина приносило долгожданное облегчение.

— Решил перебрать вещи? — Хань Цзин бросил взгляд на разложенные на кровати парадные мундиры генерала армии, на которых тускло поблескивали золотые знаки отличия.

— Ребенок растет слишком быстро, теперь мне ни один мундир не впору, — с легким раздражением пожаловался Морис. — Послезавтра нужно лететь на заседание Федерального правительства, а мне буквально нечего надеть.

— Ты летишь в Эвиду? — Хань Цзин замер, удивленно обернувшись. Эвиду находилась в штате Ванер — в тысячах километров от Флориды. Перелет обещал быть долгим и изнурительным.

— Назначено экстренное совещание, мое присутствие там обязательно, — Морис прекрасно понимал, о чем тревожится его партнер. — Не переживай, я буду осторожен.

— Как я могу не переживать? Марко ведь предупреждал, что эти боли могут быть признаком угрозы выкидыша, — Хань Цзин нахмурился, принимая решение. — Нет, одного я тебя не отпущу. Миссия SG-I временно заморожена, работы в аналитическом отделе сейчас немного. Я возьму отгулы и полечу с тобой.

Заметив, как Морис недовольно прищурился, Хань Цзин поспешил смягчить тон:

— Обещаю, если боль утихнет, я не буду докучать тебе гиперопекой. Но зная твой характер... Если ты с головой уйдешь в работу, то напрочь забудешь и о собственном здоровье, и о нашей малышке.

Хань Цзин отложил сложенный китель, снова сел рядом и ласково коснулся его живота.

— Позволь мне хотя бы сейчас позаботиться о тебе. Марко сказал, что плод развивается медленнее, чем должен. Я виню себя за то, что был так невнимателен раньше... Теперь я обязан составить для тебя полноценный рацион, чтобы наша дочка росла крепкой и здоровой.

Будущий ребенок всегда оставался самым уязвимым местом в броне сурового генерала. Морис хотел было возразить, но поддался тихому, заботливому шепоту Хань Цзина и уступил.

Немного помолчав, Морис произнес:

— Пусть я и командую Базой № 9, формально твое ведомство подчиняется тыловому штабу. Тебе придется лично запрашивать разрешение у генерала Шермана.

— Ничего, это подождет. Сперва давай поужинаем, а рапорт я отправлю позже, — улыбнулся Хань Цзин. Он нежно коснулся губами мочки уха Мориса и поднялся, чтобы разложить принесенную еду.

Этот мимолетный, почти невесомый поцелуй мгновенно пробудил внутри Мориса волну смутного беспокойства. Пытаясь справиться с подступающим к горлу жаром, он незаметно расстегнул верхние пуговицы рубашки. В разрезе воротника мелькнула безупречно гладкая, матовая кожа.

Переведя дыхание, генерал прошел в гостиную. На столе уже красовалось множество тарелок с разнообразными блюдами, разложенными небольшими порциями.

— Ты решил перенести к нам весь шеф-поварской ассортимент «Нерея»? — попытался пошутить Морис.

Хань Цзин тепло улыбнулся в ответ:

— Я побоялся, что не угожу тебе, ведь у тебя сейчас так часто меняются вкусы. Поэтому взял всего понемногу. Надеюсь, хоть что-то придется тебе по душе.

— Просто я стал невыносимо капризным... — Морис смутился, вспомнив их совместную поездку в Юрику и то, как тяжело ему было тогда угодить с ужином.

— А мне нравится баловать тебя, — прошептал Хань Цзин, глядя на этого обычно неприступного человека, который лишь наедине с ним позволял себе быть настоящим и беззащитным. Он притянул Мориса к себе и запечатлел на его губах мягкий умиротворяющий поцелуй.

— Сегодня произошло то, что меня очень порадовало, — Хань Цзин нехотя отстранился и заглянул в ясные сапфировые глаза Мориса, в которых отражалось его собственное счастливое лицо. — Меня повысили, Морис! Досрочно присвоили звание капитана. Более того, генерал Шерман намекнул, что правительство планирует перевести мою должность в структуру регулярных войск. Получается... теперь ты мой непосредственный главнокомандующий?

Морис тихо рассмеялся:

— Не обольщайся раньше времени. К тебе я буду предъявлять самые жесткие требования, суровее, чем к остальным офицерам.

— Разве это не предвзятость чистой воды? Излишняя строгость — тоже своего рода нарушение устава, не находишь? — в шутливом упреке приподнял брови Хань Цзин. Он налил в пиалу немного наваристого супа на свиных ребрышках, предварительно аккуратно сняв верхний слой жира. — В знак протеста ты обязан съесть хотя бы пару ложек. Ну же, попробуй. Думаю, это пойдет полегче, чем куриный бульон.

Хань Цзин до сих пор с содроганием помнил тот злополучный вечер, когда Мориса едва не вывернуло наизнанку от одного запаха домашней птицы. Генерал наотрез отказывался от куриного мяса, не выносил рыбу и морепродукты, и составить для него здоровое меню превращалось для Хань Цзина в настоящую головоломку.

<http://bllate.org/book/19677/2006462>